

Кошкина Е.Г. (МГЛУ)

**Конституентная природа концепта «пространство»
(на примере анализа двн. и свн. лексики)**

Знания и опыт человека являются результатом восприятия объективно существующего мира посредством органов чувств, его освоения в ходе предметной и познавательной деятельности, осмысления, преломления через сознание. Складывающееся на их основе определенное культурно-национальное представление человека об окружающем его пространстве репрезентируются на ментальном уровне в виде концептов¹.

Согласно Г.Г. Слышкину, формирование концепта – «процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесение их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами» (10,6).

В данной статье в рамках культурологического подхода мы будем рассматривать концепты как репрезентанты духовно-культурного, уникального, национально – специфического, как «основные ячейки культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов), как «сгустки национальных культурных смыслов» (В.А. Маслова²), изучение и анализ которых, согласно Е.Н. Цветаевой, поможет проникнуть в специфику эпохи, понять специфику мироощущения» (13, 225).

Материалом исследования данной статьи послужили лексические единицы со значением пространства, выявленные в процессе работы с лексикографическими источниками исторического характера и анализа «Песни о Нибелунгах».

На основе выявленных аналитическим путем лексических единиц, прослеживая изменение их семантического наполнения в диахронии, мы попытаемся представить компонентную структуру концепта и сделать некоторые

---

¹Проблеме понятия и сущности концепта посвящены работы большого числа ученых- лингвистов, к числу которых относятся С.А. Аскольдов, который вводит термин «концепт в понятийный аппарат филологии из логико- философской научной парадигмы», Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин.

²культурологический аспект проблемы рассматриваемого нами в данной статье концепта пространства характерен для работ А.Я. Гуревича, Г.Д. Гачева, Т.В. Цивьян, Ю.С. Степанова, Т.В. Топоровой, В.Н. Топорова.

выводы относительно развития концептуальной картины мира, точнее, той ее части, которая имеет отношение к представлению человека об окружающем его пространственном мире.

Опираясь в ходе анализа на семантическую трансформацию лексем, объективирующих концепт «пространство», мы исходим из факта существующей тесной взаимосвязи между концептуальной и языковой картиной мира. Наличие такой взаимосвязи создает теоретическую основу для предпринятого практического исследования, а именно историко- семантического компонентного анализа концепта «пространство».

Пространство - фундаментальная онтологическая категория, лежащая в основе мировосприятия человека. С опорой на нее человек членит воспринимаемый им объективный мир. Наряду со временем пространство задает параметры существования мира, создает «рамку происходящего, констатируя природу событий, активно воздействуя на них» (6, 89)

Для архаической модели мира характерно представление о хронотопе, неразрывном единстве пространства и времени, причем «неразрывность, слитность пространства и времени... проявляются в том, что приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» (8, 97)³

Разделение хронотопа на пространство и время происходит по мере складывания мифоэпического представления о космосе и хаосе. «...Существующий до начала творения хаос являет собой отсутствие пространства (не-пространство). Во время акта творения из хаоса возникает нечто, что помещается в центр, и в отличие от периферийного хаотичного не-пространства представляет собой некий порядок, оно организовано, расчленено, структурировано...» (12, 24-30).

Ссылаясь на В.Н. Топорова, Е.С. Яковлева пишет о том, что можно «...проследить динамику идеи пространства: по мере развития мира и человека

---

³ Реализацию пространственно- временного континуума Т. В. Топорова в своем труде «Семантическая структура древнегерманской модели мира» рассматривает таким образом:

- 1) одно слово обозначает элементы из сферы пространства и времени др.-исл. *mal* «время», «миля», др.-англ. *fác* «временной отрезок», др.-сакс *fác* «ограждение»
- 2) пространство и время обозначаются разными словами, которые восходят к одному корню: двн. *lāga*, «место», др.-исл. *ót- log* «конец в темпоральном значении»
- 3) темпорализация пространства др.- исл. *gum* «пространство», «время (пространство для говорения)»

происходит «собираение», «обживание», «освоение» пространства ... . Сначала оно было «разбросано» повсюду, иерархизация его структуры происходит через мир вещей и человека» (14, 19-20) Пространство уже не является бесконечно протяженным, непрерывным и гомогенным, ему присуща определенная стратификация, оно становится разнородным (есть центр и периферия), с разной ценностью его частей.

К базисным пространственным понятиям относятся «осевое горизонтальное измерение» и «вертикальное измерение» (2, 51), то есть имеет смысл вести речь о пространстве вертикальном и горизонтальном. В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением горизонтального пространства.

Проанализированные лексические единицы, имеющие отношение к представлению о горизонтальном пространстве, позволяют сделать вывод о существовании нескольких концептуальных оппозиций, противопоставляемые члены которых в своей совокупности дают целостное представление о фундаментальной категории мировосприятия человека.

Оппозиция «внутренний - внешний» занимает главенствующее место в иерархии оппозиций, все остальные оппозиции ей подчиняются или другими словами оппозиция ««внутренний - внешний» отражается в других противопоставлениях «закрытый - открытый», «близкий - далекий», «здесь – там», «этот мир – иной мир».⁴

Оппозиция «внутренний - внешний» *в социальном коде органично превращается в оппозицию «свой - чужой»*. Как никакая другая эта оппозиция связана с ориентацией человека в пространстве. Микрокосмос (микромир человека) представляет собой «пространство в пространстве» макрокосмоса. Микрокосмос расположен внутри, отделен от внешнего, и это обособленное положение создает уверенность в безопасности, в ощущении себя как самостоятельной и неповторимой личности.

Весь набор противопоставлений в аксеологическом аспекте (в оценочном поле) репрезентируется оппозицией «хороший - плохой». Внутреннее, близкое, свое оказывается положительным, а внешнее, далекое, чужое маркирует отрицательный член оппозиции.

---

⁴ подробнее об этом см. Т.В. Цивьян Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005 (с.75)

Структура пространства представлена здесь в антропоцентрической перспективе. То есть пространство не есть некое отвлеченное понятие (за точку отсчета мы берем не имманентное пространство), оно «одушевляется» человеческим присутствием⁵, преломляется через его сознание, определенным образом структурируясь и упорядочиваясь.

Исходя из главенства в структуре концепта пространства оппозиции «внутренний - внешний», остановимся на рассмотрении обозначенного противопоставления в социальном плане «свой - чужой».

Противопоставление «свой – чужой» - главная составляющая всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения.

Г.Ф. Ковалев и Т.И. Вендина, описывая эту оппозицию, видят в ней в более широком понимании одну из коренных проблем развития человеческого общества, проблему принятия- непринятия чего-либо и в более узком - характерную особенность языкового сознания древнего и средневекового человека, «замкнутое жизненное пространство которого характеризовалось как свое, неопасное. Чужое же воспринималось как таящее в себе неизвестность, угрозу существованию» (4, 114) Это иной мир, хаотичное пространство, населенное чужими. Мирча Элиаде подчеркивает: «Занимая это чужое пространство, человек должен символически трансформировать его в космос, в свой мир путем ритуального воспроизведения космогонии. Своей территория становится лишь после ее сотворения заново, т.е. ее освящения. Проявление священного онтологически творит мир, является неким центром, точкой отсчета (ничего не может быть начато без предварительной ориентации, а всякая ориентация предполагает наличие какой-либо точки отсчета). Это необходимое условие для размещения на какой-либо территории.» (7, 22-23)

Свое пространство обозначается лексемой *gîm* (индоевр. *ueg- , *ueg-mo- „ширь, простор“). Изначально она обозначала территорию, на которой останавливались кочующие племена, где позже сообщество проживали члены

---

⁵ с конца XX в. в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания», человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, он становится во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс.

одного рода (др. -инд. *varna* «род, каста, социальное положение»). Эту территорию нужно было сделать пригодной для жилья, окультурить, что передается двн. *gûttan*, свн. *gûten* «освободить территорию, поросшую кустарником, лесом», таким образом „**rûm**“ - это освобожденная от леса, зарослей земля для ее дальнейшего обживания и возделывания (Гримм, далее - Гр.).

«...Своя территория – это также **lant...**» (9) и **acker** в значении «возделанная земля», «пахотная земля», именно это значение рассматривается в словаре Я. и В. Гримма как первичное, о чем свидетельствуют следующие примеры:

ein grüend, fruchtbar land– Гр.

или so wil ich euch regen geben zu seiner zeit , und das land soll sein gewechs geben –Гр.

В этом же значении в свн. употребляется слово **erde** и **veld** (др.-сканд. *fold* „земля“, др.-саксон. *folda* „почва“)

Огороженная территория, земельный участок, поле, сад или огороженное пастбище для скота, целое поместье или отдельный дом – все это могло обозначаться свн. словом **hac**, которое, таким образом, также может быть рассмотрено как репрезентация концепта своего пространства.

В Средневековье жизнь человека замыкалась внутри города или крепости. Более или менее безопасным казалось пространство, находящееся в сфере непосредственного обозрения - свн. словом **gegende**. («хорошо обозреваемое место расположенное перед воротами, стеной города, крепости» - Гр.)

Территория, которая также считалась своей, но была предназначена для выпаса скота, обозначалась двн. **mato**-свн. **matte/ madwô**, двн. **wîda**-свн. **wide**, свн. **trift** (поросший травой луг, либо территория лесных насаждений, расположенная вне занятой под пашнями земли)

Концепт своего пространства находит языковое выражение в лексеме с общим значением «дом». Алехина С.А. пишет: «Идея дома включает в себя окружающую индивида обстановку: его родных и близких, его семейный очаг, родную землю... Дом как средоточие основных жизненных ценностей противопоставляется окружающему миру как пространство закрытое- открытому, внутреннее- внешнему, организованное- неорганизованному...» (1, 175-176)

Понятие дома несет лексема “**heim**”- “жилище, поселение, родная сторона (ср. производное от него с помощью суффикса -ôti - двн. **heimuoti**, свн. **heimuote** со значением «свое пространство», «родная земля».) Лексема **heim** происходит от корня *(s) kei – «лежать». Первоначально значение “место, где разбивали на короткий промежуток времени (военный) лагерь» развивается в значение «дом – постоянное место проживания». Итак, слово **heim** приобретает значение своего, постоянного, защищенного жилища, дома, а также родной стороны, о чем свидетельствуют следующие примеры:

“...Dô sprach aber Rüedegêr : „ wie sol ihz ane vân?
heim ze mînem hûse ich si geladen hân
trinken unde spîse ich in gûetlichen bôt...” (N, 2159)

Жилье временное обозначалось словом двн. **selida**, свн. **selde** (“...si schuofen *die nahtselde unz an Tuonouwe stat...*” (N, 1288)), также лексемой **herberge** (жилище, изначально сооружаемое воинами в походах - *wir danken dir mit höchstem Fleiß, dass du uns zu herberg aufnimmst* –Гр.), двн. **louppea**, свн. **louba** (хижина с крышей, сделанной из хвороста, камыша или обычных веток с листвой), **hütte** (изначально - закрытое, защищенное место, убежище, сооруженное из досок), **gezelt**. Последние, обозначая жилище временное, соприкасаются семантически в том пункте, что оба отличаются простотой материала, из которого их делают и самим способом построения, но при переходе на новое место жительства **gezelt** берут с собой, а **hütte** оставляют на старом месте или разрушают.

От индоевр. корня * (s)kei происходит и слово **hûs** „дом, состоящий из одной комнаты“, также являющееся языковой репрезентацией концепта своего защищенного и замкнутого, отгороженного от внешнего о мира пространства.

Двн. **herd** имеет в качестве первичного значение «печь, пепел» (индоевр. *ker «гореть», гот. *hauri* „уголь“), которое расширяется в средневерхненемецкий период, приобретая сему пространственности. Уже у древних германцев **herd** описывает кострище, место разведения огня, костра. С появлением первых построек очаг переносится вовнутрь дома, становится его центральной частью в свн. периоде рассматриваемая лексема все еще находит частое употребление в значении «дом/ жилище», в дальнейшем его символом, его началом (*ein eigener herd, ein braves weib sind gold und perlen werth* –Гр.)

В двн. существовало также слово *bûr*, имевшее значение «дом». В средневерхненемецкий период бедный крестьянский дом без возделываемого поля, без хозяйственных построек, иногда с садом назывался *kate/ kote*. Лексема *kobel/koben* обозначала «низкий, маленький бедный дом». Выделяя в качестве вербальных репрезентантов рассматриваемого концепта лексемы, служащие для обозначения жилого пространства бедных людей, мы бы хотели подчеркнуть наличие и важное значение *социальной составляющей* концепта.

Слово **hof** первоначально представляло собой наряду с лексическими единицами *hus* и *heim* языковую вербализацию концепта своего, защищенного, ограниченного пространства.

Hof, исходя из его трактовки Якобом и Вильгельмом Гриммом первоначально означает у древних германцев «укромное место, угол». Затем им обозначали «возвышенное место», «участок земли, изначально необрабатываемый, расположенный на возвышенном месте» (для защиты его от чрезмерной влажности во время сезона дождей).

Можно предположить, что корень **keu-* родственен индоевропейскому корню **ker-* со значением „*schneiden*“, что дает основание для трактовки слова *hof* как места обитания рода, отрезанного от земель, населенных другими, чужими родами.

Hof - участок, который возделывали и обрабатывали, окружили изгородью, на этой обнесенной территории стали строить дом, **хозяйственные постройки**, используемые как хлев - **stall**, также для хранения урожая и соломы, **schium(e)**, **двн. sciura**, **свн. schiure (Scheuer)**, в качестве амбара, сарая - **stadel**, **двн. scuoba**, **свн. schuop(e) (Schuppe)** - **двн. spîhharî**, **свн. spîcher (Speicher)**.⁶

Таким образом, простой участок *hof* превращался постепенно в целое поместье. Кроме того, этим словом стали именовать и отдельные постройки, то есть употребляли его в значении «дом, имение». Под влиянием французского слова *cour* происходит улучшение значения: слово употребляется в значении «княжеский двор, замок», а позже обозначает всех, кто населяет замок.

---

⁶ отметим, что помещения, описываемые упомянутыми лексемами, изначально были предназначены для непродолжительного проживания и представляли собой маленькую, не отапливаемую хижину, но с появлением прочного дома (*hûs*) утратили эту функцию, о чем свидетельствует выпадение из области их значения семы «жилье человека»

“... *Sindolt und Hûnolt, dise herren muosen pflegen,
des hofes unt der êren, der drîer kûnege man...* ” (N, 10)

Как отмечается в статье Н.И. Рахмановой и Е.Н.Цветаевой (9) с *hûs* и *hof* (но не с *hütte*, *gezelt*, *selde* и т.д.) по значению совпадает слово **garten**. Его значение возводится к индоевропейскому корню *ghordho со значением «дом/жилище» (гот. *gards* «двор, дом»). Присутствие в составе значения слова семы «огораживание» (*ghordho-s «забор, огорождение, плетеная ограда, камышовый плетень, загон для скота» от инд.- европ. корня *gher «огораживать, обрамлять») позволяет рассматривать *garten* как «атрибут основательной добротной постройки». (9)

Стремление обезопасить и защитить свою территорию, свое жилище объяснялось многочисленными нашествиями чужих племен. Возникла необходимость воздвигать каменные замки, крепости:

Словом **burg** изначально обозначали место, куда стекался народ (с целью найти защиту – в этой связи говорят о родстве с глаголом *bergen* и определяют *Burg* как „место, где укрывались, спасаясь бегством“) и где каждый имел право поселиться. Во времена Каролингов такие поселения начинают интенсивно укреплять. Итак, *Burg*, первоначально - укрепленное сооружение, где проживал господин⁷, затем название было перенесено на подвластную ему территорию.

Таким образом, значение «укрепленная возвышенность» в слове «*Burg*» постепенно вытеснялась значением «крепость», что обязательно предполагало в составе значения компонентов «укрепленный (земляными валами), защищенный (сначала деревянными, а потом каменными стенами).»

С развитием правовых и социальных отношений, значение «город» становится основным значением лексемы *Burg*.

С 12 столетия слово **stat** употребляется в значении «город», «область, на которую распространялось действие городского права», и вытесняет из употребления лексему *burg*.

Начиная с 8 века, в военных целях в стратегически важных пунктах или на пересечении важных транспортных путей начинают воздвигать укрепления с

---

⁷ Согласно цитате, приведенной Н.И. Рахмановой и Е.Н. Цветаевой «eine Burg nennt man den Ort, wo ein Turm steht, der von einer Mauer (burgmûra) umgeben ist, und beide sind gegenseitig beschirmen»

кольцевым валом. По примеру римлян, такие укрепленные городища стали называть **kastell**. (лат. castellum со значением «крепость» - уменьшительная форма от castrum - «военный лагерь с земляным укреплением и рвом, окопом»). Вследствие влияния французского языка происходит улучшение значения слова, что проявляется в его употреблении для обозначения замка.

При переходе от кочевого к оседлому образу жизни, человек стремился не только построить для себя помещение для проживания, но и сделать его максимально удобным (происходит функциональное разделение имевшегося до этого момента единственного жилого помещения дома), создать элементарный комфорт.

По мнению Ю.С. Степанова, в понятии уют присутствует семантический и психологический компонент - ощущение своего, своего дома, нахождение у себя, домашности. Понятие уюта ассоциируется с укромностью, укрыванием от внешнего мира в каком-то уголке, с покоем. (фр. un chez- soi «свой уголок, свой дом»). (11)

Переход от жилища, состоявшего из одного помещения, к его функциональному делению происходил постепенно. Промежуточным этапом является сооружение в доме из перегородок стен⁸, именуемых **Verschlag** –двн. farslahan, свн. verslahen «загораживать, преграждать», позже слово употребляется в значении «комната, отделенная от других перегородкой»

От глагола machen развивается сначала прилагательное gemach со значением «подходящий для жизни, удобный, уютный», которое, субстантивируясь, начинает означать удобство комнаты- **gemach**. С 16 в. слово gemach означает исключительно какую-либо отдельную (жилую) комнату в доме, о чем свидетельствуют сложные слова (eßgemach, schlafgemach).

Помещение, обозначаемое свн словом **palas**, представляло собой большой зал, где проходили трапезы и где устраивались праздники. Позже происходит расширение семантики слова, и оно употребляется в значении замок, в частности его главное здание с большим залом для проведения торжеств и пиршеств.

„...*Si bat den ritter edele mit ir dannen gân*

---

⁸ напр.: mein Bette, mein hólzerner Stuhl und ein Tisch für Schreiberei und kleine Gerätschaften stehen hinter einem Verschlage, der beinahe das Viertel von der Stube einnimmt – Гр.

in den palas wîten... “ (N, 469)

Значение «дом для гостей» в свн. передает лексема **herberge**. Теперь она описывает не временное жилище воина, а удобное помещение для продолжительного проживания.

*“... daz si (vremde geste) vil rîche wâren, daz wart dâ wol bekannt
man schuof in herberge in der wîten stat zehant...” (N, 1176)*

У древних германцев слово **sal** (*salaz) обозначало состоящий из одной комнаты дом, помещение для кратковременного или долговременного пребывания там (ср.: гот. saljan «находить ночлег, пристанище», двн. selida, свн. selde „дом, ночлег“). В Средневековье просторное, достаточно светлое помещение, именуемое словом «sal» все еще находилось обособленно, о чем свидетельствуют следующие строки «sehs und ahzec türne si sahen drinne stân...drî palas wîte und einen sal wol getân» - (Гр.) Но с началом строительства больших замков словом saal стали именовать большие неотапливаемые залы, в которых принимали гостей и устраивали праздники. (ein großer tapezierter sal gieng miiten durchs gebäude – Гр.)

*“...Der wirt gie bî Gêrnôte in einen wîten sal.
ritter unde vrouwen gesâzen dâ zetal
dô hiez man balde schenken den gesten guoten wîn...” (N, 1668)*

Женские покои, женская светлица, отдельная хорошо отапливаемая комната, называлась **kemenate** (ср. лат. caminata и рус. комната)

*“... swaz man dâ schalles hôrte, den muosen si dô lân
man hiez die juncvrouwen zir kemenâten gân...” (N, 1687)*

Так как сооружение камина могли позволить себе сначала богатые люди, то такая комната возникает первоначально в замках и крепостях (в отличие от неотапливаемой комнаты- sal), а затем и в домах простых людей. В процессе развития языка слово ушло из общего употребления, сейчас встречается лишь в диалектах (на юге Германии kemad «спальня, гостиная», в Австрии, земля Каринтия kemetn «столовая»)

В средневековом замке было еще одно специальное помещение для хранения казны - **kamere** или **geldfaz**.

Первое слово было заимствовано из латыни (camera), где означало сводчатый потолок. Двн. слово „chamara“ уже употребляется в значении «комната с деревянным сводчатым потолком». Здесь могла располагаться

спальня, кладовая, комната, где хранили оружие и т.д. Слово Kammer встречалось также и в значении «дом», реже, «именье».

В отличие от комнаты, обозначаемой словом Stube, Kammer является неотапливаемым помещением. По сравнению с Zimmer Kammer менее уютна (*die niedre kammer tausch ich um mit zimmern, wo decken strahlen, wo tapeten schimmer-* Гр.) Употребляясь в свн. с компонентом *bette* (**bettechamera**) слово обозначало комнату, предназначенную для сна и отдыха.

В своем стремлении к комфорту люди оборудовали еще одну комнату, предназначенную для мытья, то есть своеобразную баню – **stube** - два. *stofa*. Необходимым элементом такой комнаты- бани являлась печь (англ. *stove* - «печь», нидерл. *stoof* “угольная жаровня для согревания ног”, ит. *stufare* «греть» в вульгарной латыни - глагол *ex-tufare* «наполненный паром», который в свою очередь происходит от индоевропейского корня *ter*-/teb**- «гореть», «греть»). Со временем помещение утратило названную функцию, но значение «отапливаемая жилая комната» осталось и просуществовало довольно продолжительное время. Эта комната служила местом сбора семьи (и, кстати, также гостей, ср. свн. *stuben* „идти в гости“- Гр.) в целях отдыха и интересного времяпрепровождения, в приятном общении друг с другом, сопровождаемое с какой-либо несложной ручной работой, о чем свидетельствует следующее замечание: «*Volk ... geht an langen Winterabenden zur Stube um bei Spinnen und Nähen Kurzweil und Unterhaltung zu finden* -Гр.». Также комната была предназначена для уединения, покоя и отдыха. („*Die Stube ist mit dem Begriff behaglicher Ruhe und Geborgenheit verbunden*“-Гр.)

Концепт *чужого пространства* (чужая сторона) также может быть представлен в языке словом **lant**, напр.

*“...Der ander der gesellen der ist sô lobelîche
ob er gewalt des hête, wol wêr’ er künig rîch
ob wîten fürsten landen, und maht’ er diu gehân ...” (N, 412)
или muss ich mein geschick vollenden fallend in dem fremden lant -Гр*

Значение «чужой» здесь усиливается прилагательными **wît** («далекий, находящийся в отдалении», ср. нареч. *wîte* со значением «в дальней стране») и **vrem(e)de** (далекий/ недостижимый/неизвестный)

Наиболее четко значение «чужое пространство» прослеживается в сложных словах со вторым компонентом *lant*, например, *Ormanienlant*.

Концепт «чужой» находит свое вербальное выражение в производной от *lant* лексеме - свн **ellende**, которая наряду со значением “чужой, ссыльный, несчастный, жалкий”, имела также значение проживание в чужой стране/ чужая сторона, подтверждением чему служит свн. выражение *daz elende bûwen* со значением «жить на чужбине» или *ins elend gehen* «отправляться на чужбину», *im elend sein/ bleiben/ lassen* «оставаться в чужой стране», *ins elend schicken/ jagen/ treiben* «изгнать в чужую землю», *aus dem elend heimkehren, holen* «возвращаться с чужбины в родную землю»

verlieszen die meisten bürger diesen kerker und nothstall undflohen ins weite elend, um anderen leuten das brot aus den händen zusuchen— Гр.

или “*her küneec, nu nemt hin widere al daz ich von iu hân,*

daz lant mit den bürgen: des sol mir niht bestân

ich wil ûf mînen fûezen in daz ellende gân” ... ” (N, 2157)

Значение «чужое пространство, необжитая земля, пустошь, поле, пространство вне дома» также выражалось в лексеме **veld** (*er ist über feld = er ist nicht zu Hause/ er ist fort*). Напр. *unz si ...in sahen dort über velt gâhen* - Гр., также «поле битвы», «военный лагерь» (ср. в сложном слове - *veltburc*- «военный лагерь»)

wenn man einen erschlagenen findet im lande, und liegt im felde und man nicht weiß, wer in geschlagen hat -Гр.

Чужой была также та территория, которой не касалась хозяйственная деятельность человека: свн. **walt** (*необрабатываемая человеком земля*), **sumpf** (*сырая, поросшая травой, илистая, тинистая местность*), свн. **heide** (*вересковая степь, лесная поросль, не обрабатываемая и не предназначенная для выпаса скота-Гр.*), свн. **ouwe** (*местность вблизи воды/ луг*), свн. **tal** и др.

Между пространством своим, обжитым (защищенным, замкнутым) и пространством чужим проходит четкая *граница*.

По В. А. Масловой «... все пространство человека - от интерьера его дома до великого космоса исчерчено видимыми границами» (6, 90).

Границы, проходящие в пространстве, занимают важное место в культуре. Как пишет М.М. Маковский, «границы в древности считались оберегом. Любая граница (дерево, межевой камень (пруск. *garian* «дерево», др.-исл. *gren* «место,

огороженное ветками») обожествлялась, ей приносились жертвы и ей поклонялись». (5, 195)

Это, с другой стороны, «...самый напряженный конфликтный участок символического пространства, где человека подстерегает поворот судьбы, т. к. граница-место наибольшего удаления от центра своего мира, а значит, это место, где максимально ослаблены силы «своего» и где начинают действовать законы «чужого» пространства....» (6, 91).

Изначально значение «граница» репрезентировалось в языке лексемой **marka/marc**.

Значение др.-инд. слова *mark-* „метить, красить“ говорит о том, что значение «граница» вторично, первичным же является способ маркировки этой границы (бавар. *march* „обозначение пограничной области, границы“). Например, староста племени отмечал границу одного владения от другого с помощью воткнутой в землю стрелы или сожженного дерева и т.д..

Вследствие расширения значения слово *mark* употребляется для обозначения отдельной области страны, например

*seid fröhlich und geschwind
kämpft für des landes marken
für älteren, weib und kind – Гр.*

Заимствованное в 13 в. из западнославянских языков **grenize** (польск. *granica*, чешск. *hranice* «граница», индоевр. *gher - «охватывать, окаймлять, разделять») вытеснило из широкого употребления лексему *mark* в значении «граница, пограничная область».

Границей, разделяющей свою землю от чужой, мог быть лес (не случайно слово *mark* в др.-исл. *mǫrk* „пограничный лес“, лат. *margo* „граница“, перс. *marz* „марка, граница, рубеж“. Средневековый человек противопоставлял лес как чужое необжитое, дикое (слово *Wald* и *wild* происходят от одного корня) пространство своему, возделываемому (*acker/lant*) пространству.

В качестве репрезентантов концепта пограничного пространства могут быть также рассмотрены следующие лексемы: двн., свн. **zûn** (деревянное ограждение, выполняющее защитную функцию и роль границы дома, прилегающей к нему территории приусадебного участка, деревни, города), двн **hag**, свн. **hac, gehage** (ограда, затем процесс огораживания, обнесения местности

забором с целью ее защиты, далее сама огороженная территория, земельный участок, поле, сад или огороженное пастбище для скота, целое поместье или отдельный дом), двн. *fridu*, свн. *vride* (ограждение, наблюдается перенос наименования с места, которое необходимо было держать под защитой на ограждение, которое эту защиту выполняло), двн. *etar*, свн. *eter* (сплетенный из веток забор, ограждение, также иногда сама огороженная территория дома и прилегающая к нему возделываемая земля), двн. свн. *rant* (лексема Rand родственно слову Rahmen (нвн. диал. Ranft – край), а Rahmen в переносном значении могло означать процесс установления границ, границу, то, наверняка, и Rand могло употребляться в этом значении, о чем также свидетельствует англо-сакс. *gima* „граница“)

Чужое пространство ассоциируется с понятием пути- **wec**. Путешествуя, человек отправляется на периферию. Место, которое путешественник достигает, находится в том остатке непространственного хаоса, где решается судьба человека и самого этого места, так как победа человека означает освоение пространства, приобщение его космизированному и организованному культурному пространству.

Итак, мы попытались выделить основные составляющие концепта пространство, в качестве которых рассмотрели набор оппозиций и приняли за наиболее важную и основополагающую противопоставление «внутренний - внешний». Преломив эту оппозицию через призму социального, пришли к рассмотрению своего и чужого пространства, а соответственно и дифференцирующей одно пространство от другого границы.

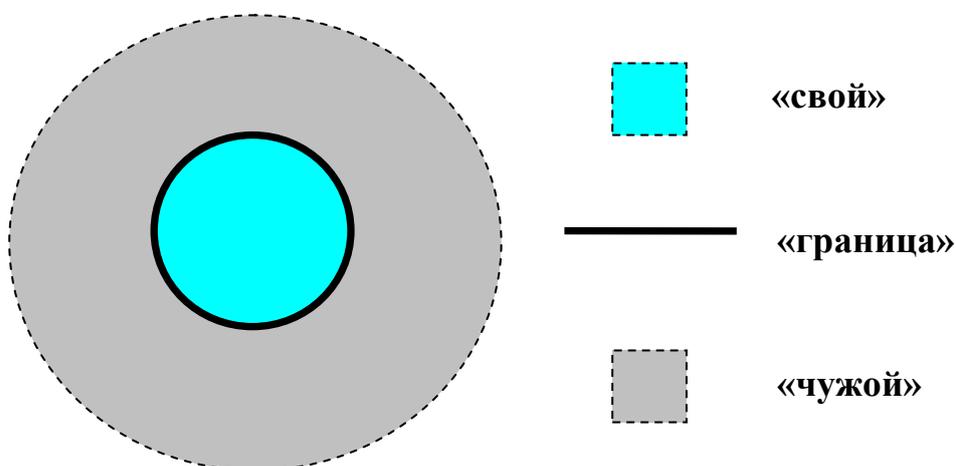
Выделив на основе проведенного историко - семантического исследования ряд лексических единиц, которые, по нашему мнению, репрезентируют в языке концепт пространства в социальном аспекте своего и чужого, проследив изменение их семантического наполнения, семантические трансформации в процессе языкового развития, сделаем попытку установить, какие из компонентов концепта являлись наиболее значимыми.

В качестве наиболее важных конститuentов *своего пространства* следует рассмотреть такие составляющие, как «укрытие», «замкнутость», «защищенностью», «постоянство», «сакральность», «священность», «праведность» «комфорт/уют», «покой», «принадлежность к классу»

(социальная составляющая), также «открытость» в необходимом единстве с «обжитостью», «окультуренностью»

Концепт «чужое пространство» конституируется, на наш взгляд, следующими компонентами: «отдаленность» наряду с «непосыгаемостью», «недоступностью», также «неокультуренность/ неосвященность», «враждебность», «изгнание/дорога», «опасность», «нужда».

В качестве наиболее значимых компонентов разделяющей свое от чужого «**границы**» могут быть рассмотрены «маркированность», «отчужденность», «переход/перемещение». Схематично это можно отобразить в следующем виде:

Жизнь древнего человека замыкается территорией, где расселилось его племя, (остальное пространство- земля чужих, вражеских племен, вторжение в это пространство подобно смерти), его маленьким, предназначенным в основном для ночлега непрочным *временным* домом (**heim, hütte, gezelt, herberge, loube**), где можно было найти *временное укрытие* и, который, отправляясь в путь, кочуя в новые земли, можно было бы оставить или, разобрав, взять с собой.

Таким образом, в качестве наиболее значимого конституента рассматриваемого концепта пространства, каким оно представляется нам на древнем этапе развития человека и общества, мы выделили бы компонент «(временное) *укрытие*»

Но временные жилища, выполнявшие функцию укрытия и оптимальные для кочевого образа жизни с переходом к оседлому в первых веках нашей эры

утрачивают свою значимость. Появляются добротные, крепкие строения, например –*hûs*, а затем укрепленные поселения - *burg, kastel, palas* и т.д..

Потребность человека в прочных жилищах, хорошо защищенном пространстве отражается в том, что наиболее значимым в анализируемой лексике становится сема «защищенность», что позволяет выделить на ментальном уровне концепта в качестве наиболее весомого компонент «*защита*».

В целях защиты человек огораживает территорию проживания (отметим значимость компонента «*ограждение*» в структуре концепта), четко дифференцируя свою обрабатываемую и окультуренную (***rûm, erde, heimuote, gegende, lant, hus, acker*** а также ***hûs, herd, bûr, hof, garten***) и дикую, неосвоенную (***ellende, lant, walt, heide, ouwe welt, wec*** и др).

Для него принципиально значимой становится граница с ее неотъемлемым элементами «маркированность», «разделенность», «переход/перемещение», вербально репрезентированные как ***mark, grenze, rant, walt, wüeste, sumpf, zûn, hac, fridu, eter, rant***.

По воле человека, в зависимости от человека, по отношению к человеку границы пространства могут смещаться, расширяться или сужаться⁹.

В возможности перемен границ заключается признание чужого, которое в определенных условиях может стать своим. То есть, чужое перестает быть пугающим, оно отступает все дальше и дальше, человек стремится освоить и покорить пугавшую его ранее территорию¹⁰.

---

⁹ подробнее об этом см. Т.В. Цивьян «Модель мира и ее лингвистические основы», 2005, с. 76-77

¹⁰ Ярким подтверждением тому служит изменение семантики слова, обозначающего гостя (чужого). Двн., свн. *gast* согласно этимологическому словарю В. Hennig «чужак, враг, воин, посетитель, гость» (индоевр. **g(h)osti* - «чужак, воинственный чужеземец», лат. *hostis* «пришедший из чужого племени, чужеземец, враг») Улучшение значения происходит в конце средневекового периода, когда пришедшего со стороны человека больше не воспринимали как врага, человека, опасного для дома, несущего несчастье, но как гостя, друга. (о преобладании в свн. значения «чужой\ враг» свидетельствует значение свн. выражений, содержащих лексему *gast*, например: *gast werden* «покидать, отпускать, освобождаться», *gast sîn* «быть свободным, быть далеко, быть чужим», однокоренное прилагательное *gastlich* означало в свн. чужой, также наречие *gestliche* имело в свн. значение «как чужой») В древнем индоевропейском слове *agîo* (*ag „чужой, находящийся на периферии“) также содержится два противоположных значения, например: др.- инд. слово *agî* обозначает «друг, чужак, чужестранец». Развитие значения этого корня происходит в сторону улучшения: чужак → друг (хет. *aga* «друг») → соплеменник → название племени (*aga*) → название страны (*îgan/ Egiu*)

Помимо этого происходит активное расширение своего пространства за счет создания все более обширных жилых помещений, вследствие застройки хозяйственными помещениями прилегающей к жилищу дворовой территории, за счет увеличения площадей обрабатываемых земель и т.д. Об этом свидетельствует расширение семантики таких слов как *burs*, *stat*, *hof*.

Наряду с расширением площади своей территории, человек стремится улучшить ее «качество», о чем свидетельствует появление функционального деления помещения дома (***gadem, kemenate, kamere, kuche, sal, gemach, palas, herberge, stube***).

Сема «функциональность» становится наиболее значимой в лексике, репрезентирующей концепт «своего» пространства в средневерхненемецкий период, что дает основание, прослеживая динамику главных конститuentов, отметить наибольшую важность в структуре концепта компонента «функциональность», который вытесняет с первого плана компонент «защита».

В неразрывном единстве с ней и крайне значимой является *психологическая* составляющая. Ее значимость можно обосновать стремлением человека к комфорту, к удобной, обустроенной жизни.

Появление *социального* компонента, находящегося во взаимосвязи с выше названной функциональной и психологической составляющими, свидетельствует о начавшейся социальной дифференциации общества.

Итак, выбрав диахронический ракурс рассмотрения проблемы конститuentной природы концепта, на основе проведенного исследования приходим к следующему выводу: ментальная репрезентация объективно существовавшей пространственной действительности древнего и средневекового человека различна.

Четко дифференцируя свое и чужое пространство (причем это характерно как на древнем этапе, так и для Средневековья) рассматривая в качестве наиболее значимого то один, то другой компонент концепта, позволим себе представить динамику его компонентов таким образом:

«укрытие» (выделение своего замкнутого пространства с целью отделения себя и своего мира от нерасчлененного внешнего, стремление сделать главной ценностью только свое пространство) → «защита» + «ограждение» +

*«окультуренность» → «функциональность» → «психологическая составляющая»
(комфорт)→«социальная составляющая».*

Предложенный компонентный анализ концепта пространства представляет собой попытку выявить особенности ментальной репрезентации объективного окружающего мира, рассмотреть одну из сторон проблемы адекватности концептуальной и реальной картин мира, выраженных в конкретных языковых системах.

Список литературы

- 1) Алехина С.А. Дом и человек в русской ментальности.// Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции - Воронеж, 2003. 173-178 с.
- 2) Бертова Т.С. К вопросу о языковой категоризации пространства и времени.// Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. Рязань, 2000. 47-50 с.
- 3) Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. -М., 2002. 336 с.
- 4) Ковалев Г.Ф. «Свое» и «Чужое» в свете ономастики // Картина мира и способы ее репрезентации.: Научные доклады конференции -Воронеж., 2003. 114-119 с.
- 5) Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. М., 2004. 630 с.
- 6) Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику/ В.А. Маслова.- М., 2004. 296с.
- 7) Мирча Элиаде Священное и мирское. М. 1994. 144 с.
- 8) Ноздрин Л.А. Поэтика грамматических категорий: Курс лекций по интерпретации художественного текста.- М., 2004. 212 с.
- 9) Рахманова Н.И., Цветаева Е.Н. Реализация концептуального содержания языковых единиц в диахронии // Вестник МГЛУ. Вып. 482. -М., 2004. 130-150 с.
- 10) Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. 2000. 128 с.
- 11) Степанов Ю.С. Концепты: словарь русской культуры. М. 2001.- с. 990
- 12) Щукина Д.А. Пространство как лингвокогнитивная категория: Дисс. ... доктора филол. наук. -Спб., 2004
- 13) Цветаева Е.Н. Культурно-исторические источники формирования словесных формул (на материале немецкого языка)// Вестник МГЛУ. Выпуск 465. Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста.-М. 2002 с.221- 232
- 14) Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия).- М., 1994. 344 с.
- 15) Hennig Beate Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Tübingen. 2001
- 16) Duden Etymologie Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache/ Günther Drosdowski. Band 7, 1989
- 17) Deutsches Wörtrebuch / Jacob u. Wilhelm Grimm. Leipzig. Verlag von S. Hirzel.
- 18) Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. 2002
- 19) Lexer Mathtias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig. 1956
- 20) Nibelungenlied/ Allthochdeutsche Texte. Berlin. 1967
- 21) Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen. 2006